

ДУХОВНОСТЬ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.А. Штуден

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»

В статье в исторической ретроспективе прослеживается взаимосвязь между эволюцией техники и духовными достижениями человечества. Особое внимание автор обращает на современный этап этой эволюции, когда прогресс технологий привел, наряду с появлением «общества потребления», к возможности управления человеческим сознанием.

Ключевые слова: ценность (духовная), культура, этика, прогресс, устройство, механизм, машина, транслятор, коммерция, стандартизация, вещь, манипулирование, симулякр, микрочип.

Духовность – слово, которым к месту и не к месту пользуются публицисты, учителя, философы, журналисты, даже политики... Тем не менее этот термин до сих пор не отрефлексирован должным образом; его смысл постигается лишь на интуитивном уровне. Нам ничего не остается, как предложить собственную его трактовку с единственной, конечно, целью: обозначить по возможности точно предмет разговора.

Как известно, человек – единственное на планете живое существо, сознание которого живет одновременно в двух мирах: физическом, «проявленном», где это существо выступает как высокоразвитое животное, и вневременном, «потустороннем», вечном, где человек чаще всего выступает в роли очарованного гостя.

Это двоякое бытие сознания у разных индивидов подразумевает неодинаковую степень присутствия «здесь» и «там». Обыватели, сумевшие найти убежище целиком по «эту» сторону бытия – потребители, прагматики, ловцы чувственных радостей, подчиняют себя полностью власти традиций, привычек и просто животных инстинктов. О них говорят как о людях, *духовностью* не обладающих.

Люди же, чье стремление *вдаль и ввысь* уводит прочь от быта и материальных выгод, люди «не от мира сего», случается, живут полной жизнью «там» – и призрачной, ненадежной, необеспеченной жизнью «здесь». Они-то и пользуются славой *высокодуховных*.

Исходя из этих простых жизненных реалий мы можем обозначить термин «духовность» как степень проявленности той части сознания человека, которая устремлена к надмирному и вечному (вопреки животной природе), – именно той его части, что дает простор жизни духа.

Если воспользоваться великолепным определением Мераба Мамардашвили «**человек – существо, больное бесконечностью**», то духовность можно определить как *температуру этой священной болезни*. Не существует, конечно, прибора, способного измерять подобную температуру; таковым служит опять-таки наша интуиция.

Мы не так уж редко встречаем людей, чье сознание полностью закрыто для Непостижимого и Непроявленного. Это непоправимо скучные люди. В лучшем случае они надежные «винтики» закона, устава, производства, быта. Людей, целиком устремленных за пределы земных интересов, мы встречаем

гораздо реже по вполне понятной причине: эти люди нежизнеспособны. Если они не находятся под чьей-то заботливой опекой, их ждет судьба Владимира Соловьёва или Велемира Хлебникова.

Основная масса людей – люди *середины*. Их «серединность» не означает, к сожалению, что они достигли равновесия. Наоборот, их душа раздираема противоречиями, их сердце – поле сражения Света и Тьмы. Эти люди грешны, поскольку они не полностью во власти закона; но эти же люди, с другой стороны, дееспособны и творчески состоятельны, ибо находятся в самой гуще противоречий жизни – противоречий, ими осознанных как трагическая подоснова мира.

Может ли духовность – то есть вхождение в Высший мир, способность осознать себя его частью, жить его реальностью – каким-то образом эволюционировать? На этот вопрос слишком часто можно слышать скептический ответ: мол, о какой эволюции речь, если путь к горным вершинам духа есть путь, совершаемый каждым человеком самостоятельно, на свой страх и риск? Да, верно. Однако – согласитесь! – горнее восхождение легче совершить тому, кто идет по стопам первопродцев, кто знает от них о возможных опасностях, кто пользуется проложенными ими тропами... Проще говоря, ответ на вопрос, может ли духовность в общечеловеческом плане быть функцией исторического времени – зависит от ответа на другой, основополагающий вопрос: **связана ли духовность с культурой?**

Ответ на этот вопрос, по нашему глубокому убеждению, может быть только положительным. Ибо воспитание, сообщаемое человеку о духовных ценностях; образ жизни, соответствующий культивирова-

нию этих ценностей; наконец, свободное время, позволяющее заниматься самообразованием и духовной практикой, – все это несомненно мы должны отнести к достижениям культуры. Эволюционирует культура – эволюционирует и духовность. Но эволюция этого рода – эволюция медленная, трудная, подчас мучительная и, подобно формированию континентов, внешне незаметная.

Вехами духовной эволюции мы вправе считать появление и утверждение на практике тех нравственных установок, которые мы называем *ценностями*. Подлинная – в масштабах жизни человечества – ценность не может быть произвольно взятой. Она непременно связана с Высшей Реальностью, которая, собственно, и «взрачивает» семена ценностей в душах человеческих.

Один только пример: человеческая жизнь. Вот базовая ценность, безусловно важная во все времена!

Поначалу эта ценность имела реальный смысл лишь по отношению к членам «своей» социальной группы. В эпоху первобытности к человеку другого племени относились как к потенциальному врагу (часто и как к потенциальной пище). Его даже не считали в полном смысле слова человеком. Чужака можно было убить, не испытав при этом никаких угрызений совести. Были и такие обычаи в среде диких племен, когда убийство иноплеменника давало право на звание воина. Например, до недавнего времени так было принято у новозеландских охотников за головами. Обычай хранить у себя, как свидетельство личной доблести, чью-то высушенную голову существовал у этих людей многие сотни лет.

Спрашивается: сколько нравственных, духовных усилий понадобится этим людям, чтобы дойти до идеи ценности чело-

веческой жизни в любом ее обличье для любого клана, любого племени, любой расы? Ведь это далеко не просто. Настолько не просто, что люди, считавшие себя цивилизованными христианами, колонизовавшие в XVI–XVIII вв. Новый Свет, с большим азартом истребляли краснокожих «язычников», не считая аборигенов за людей (словно проснулось в них первобытное сознание!).

Израильтянам максима «НЕ УБИЙ» была спущена Сверху, как одна из Божественных заповедей, полученных пророком Моисеем на горе Синай. Конечно, они нарушали в числе других и эту заповедь. Но убийство отныне считалось действием, совершённым вопреки священному Закону, и было названо грехом.

С течением столетий запрет на убийство во всех странах становится частью юридического кодекса и – что самое главное – внутренним запретом.

Этическая установка, маркированная как запрет на убийство, со временем стала расширяться и далее, за пределы человеческого вида! Будда в VI в. до н. э. одним из правил поведения провозглашает *ахимсу* – непричинение вреда ничему живому; Альберт Швейцер в XX столетии уже провозглашает основой любой этики *принцип благоговения к жизни*¹.

Так представление о ценности жизни, подобно расширяющемуся кругу, стало включать в себя с течением столетий все больше и больше живых «объектов», в перспективе выступая как ценность **всего** Божьего творения.

Подлинные ценности никто не выдумывал. Они веками, тысячелетиями прорастали в сознании людей. Буквально как

трава сквозь асфальт. Так, с Вышней помощью, люди осмысливали, осознавали, затем и приходили к утверждению тех ценностей, которые постепенно становились универсальными, общечеловеческими.

Все сказанное выше касается эволюции духовности. Но существует другая эволюция, гораздо более наглядная и яркая, которой было дано звучное наименование – ПРОГРЕСС. Она происходит весомо и зримо в историческом времени (последние десятилетия – вершится буквально на глазах). Речь идет, конечно, о технологиях.

Связан ли прогресс всевозможных техник с эволюцией духовности?

На первый взгляд, такая взаимосвязь едва ли существует. Задача настоящей статьи – показать, что, напротив, эта связь реально прослеживается, по крайней мере, с начала неолита, приведшего к городской цивилизации.

Палеолит едва ли мог быть благодатной почвой для эволюции духовности. «Первобытная ночь» человечества требовала от каждого человека максимум сил уже для простого выживания. Долгие сотни тысяч лет это обстоятельство делало жизнь *homo sapiens* слишком схожей с жизнью животных, бок о бок с которыми он существовал в природе, полной угроз и опасностей. Человек жил «накоротке» с духами земли, воды, лесов и болот, духами болезней, душами мертвых... Свойские отношения с нежитью не позволяли ему забираться в мыслях слишком высоко: магия, распространенная в те времена повсеместно, была в идеологическом и практическом отношении инструментом, достаточно пригодным для существования в этих условиях.

Какого рода «прогресс» мог быть реализован в эпоху каменного века *до* неолитической революции? Разве что в искусстве по-

¹ Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.

иска, расщепления и обкальвания этих самых камней. Подобное искусство (как любое искусство в принципе), по свидетельству археологов, местами достигало совершенства. Но совершенство изготовления орудий, сделанных из камня, никак не могло помочь духовному развитию человечества.

Топор предназначен стать простым завершением мускульного усилия, так же как нож, рубило, скребок, кол, дубина. Все эти орудия попросту восполняли отсутствие у человека естественных средств нападения и защиты. Их нельзя даже было назвать устройствами; каждый из них был всего лишь приспособлением. Даже и такой важный предмет, как фетиш (например, маска священного животного), был только приспособлением для какой-нибудь очередной магической процедуры, осуществляемой шаманом.

Эти предметы не были *трансляторами*. С их помощью не передавались новые мысли или идеи. Смысл каждого такого предмета полностью исчерпывался действием, для коего был предназначен.

Неолитическая революция полностью изменила смысл вещей. Земледелие привело к появлению городов; города служили эффективной защитой от диких зверей и от набегов, появилась прослойка людей, избавленных от каждодневного тяжелого труда, посвятивших себя служению мысли и красоте; с появлением религиозных систем увеличилось количество предметов, предназначенных исключительно для сакральных целей. Изделия из камня уже не могли быть только приспособлениями; они стали *устройствами*, предварительно продуманными и сконструированными: усыпальница, дворец, храм, стела, статуя. Не забудем, что Древний Египет, искусством без-

вестных мастеров которого мы до сих пор восхищаемся, вплоть до Нового царства жил практически в каменном веке.

С началом эры городских цивилизаций предмет, изготовленный человеком, стал *транслятором его духовной жизни*. Фрески, статуи, храмы передавали идею красоты; статуи богов – идею величия и силы; письма, начертанные на камне, папирусе, глиняных табличках, пальмовых листьях и бараньих лопатках, сеяли среди горожан первые семена мудрости. Таким образом, уже на этом первоначальном этапе, на заре цивилизаций, когда под рукой у мастеров практически ничего другого не было, кроме камня и глины, прогресс производства вещей приводит к тому, что сами вещи начинают активно помогать формированию духовных начал в сознании человека!

Эпоха городского язычества заканчивается созданием еще более усовершенствованного типа вещей: им присвоено название *механизмов* – водоподъемные устройства, лебедки, морские суда (в военном деле – осадные башни, баллисты, катапульты)². Здесь мы видим всевозможные системы преобразователей мускульной силы – подчас настолько хитроумные, что можно говорить уже о первых триумфах технического разума человека. Все это – ПРОГРЕСС, все это способствует дальнейшему высвобождению времени и сил человека для, казалось бы, посторонних дел, к так называемой «пользе» отношения не имеющих, но дающих простор его духовному росту!

Таково на первом этапе взаимодействие эволюции духовности и прогресса технологий. На этих стадиях оно пока еще благоприятно... Мы видим, что в эпоху

² Сергеев М.Е. Ремесленники Древнего Рима: Очерки. – Л.: Наука, 1968. – 165 с.

древних государств технический прогресс, о котором мы уже имеем полное право говорить, прямым образом влияет на проявление духовности. Что же происходит дальше?

Мы уже говорили, что вещи, сотворенные в условиях первых цивилизаций, перестают быть просто функциональными по своему смыслу. Они становятся *трансляторами духовных достижений*: с их помощью от человека к человеку передается мысль, гармония, красота.

Такие вещи требуют от мастера, их изготавливающего, не просто совершенных навыков, но – фантазии, изобретательности, умения творить прекрасное – в красках, формах, образах. Такие вещи сами становятся ценностью (потребительской, разумеется). Приходит время – и они становятся **товаром**, обладающим денежной стоимостью. С ними в человеческое бытие приходят – и прочно в нем утверждаются! – идеи накопления и богатства. Так исподволь, на первых порах осторожно и ненавязчиво, вторгается в человеческую жизнь *феномен коммерции*.

С техническим прогрессом он связан напрямую, ибо качество и количество производимых вещей, имеющих денежную стоимость, прямым образом от этого прогресса зависят.

Коммерция – для наших рассуждений это очень важно – не имеет вообще никакого отношения к духовным ценностям, но обладает одной замечательной особенностью: все, чего бы она ни коснулась, она стремится подчинить себе, и в конце концов претендует уже на **замену** любых ценностей, в том числе духовных, в перспективе полагая личный счет в банке главной (в пределе единственной) ценностью!

Запомним это.

Заглянем теперь ненадолго в эпоху средневековья. Что же в века господства мировых религий происходило с прогрессом технологий, был ли на самом деле этот прогресс?

Замечательный факт: почти никакого!

Средневековая Европа чуралась технических новшеств, как черт лаdana; сельское хозяйство веками велось на примитивнейшем уровне; население, как под дамкловым мечом, прозябало под угрозой голода... Представление о греховной суетности любых попыток технически усовершенствовать хозяйственную жизнь – идея, инспирированная Церковью, – владела умами «вилланов» вплоть до Высокого Возрождения. Историки-медиевисты окрестили этот принцип «антитехничностью»³. Арабский халифат при всем уважении двора и философов к наукам все же не переходил к машинному прогрессу. В конфуцианском Китае – стране, где практически все было изобретено впервые: от стали, пороха и нефтяных скважин до бумаги и печатного станка – так и не появилось ничего похожего на технический прогресс! Ибо под словом ЧЖИ («знание») в учении Конфуция понималось лишь почитание старины, ее ценностей и канонов.

Поразительна история китайского средневекового мореплавания, где использовались огромные океанские корабли-джонки (более 100 м в длину и 50 м в ширину!). Великий флотоводец Чжэн Хэ, командуя флотом более чем из 300 судов с экипажем из 70 тыс. человек, совершил подряд семь дальних экспедиций на Запад. Его корабли прошли шесть морей, два океана и достигли побережья Африки. И что же? Способ-

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – С. 42.

ствовало ли это развитию морской торговли, контактам с дальними странами, совершенствованию мореплавания? Император Чэн-цзу своим указом запретил дальние плавания, и уникальный флот был уничтожен! Интересы феодальной власти оказались куда важнее интересов торгового купечества⁴.

В общем, логика инертности средневековых хозяйств понятна: ее величество Традиция необходимо должна господствовать в условиях жестко регламентированного общества... Коммерция здесь пока еще не правит бал.

Европейское средневековье, как известно, кончается двумя великими духовными революциями: Возрождением на юге Европы и Реформацией на севере. Кардинально переменялось отношение к религии, отношение к капиталу, отношение к труду. Секуляризация быта, обмирщение искусства, рост городов, расцвет торговли и мореплавания – эти процессы начиная с XV в. шли неуклонно. «Третье сословие» (купцы, ремесленники, лавочники) создали новый социум – социум бюргеров, активно поднимавшийся на дрожжах коммерции... Коммерческий интерес – это, безусловно, повод для новшеств и изобретений, умножающих и удешевляющих продукцию. Идеологический запрет Церкви на введение технических новшеств, по сути дела, перестал существовать. Технический прогресс, взявший старт еще в XIII в., теперь неуклонно набирал темпы.

Результатом было появление новых механизмов, облегчающих труд (колесный плуг с отвалом, ветряная мельница, усовершенствованный ткацкий станок...), а так-

же ранее неизвестных: огнестрельное оружие, механические часы, печатный станок. Часы – вещь, помогающая организовать время. Ткацкий станок – вещь, производящая другие вещи. Печатный станок – транслятор информации. Все это – *принципиально новые задачи, решаемые вновь изобретенными вещами.*

В эпоху завершения средневековья (конец Высокого Возрождения) этот новый класс вещей-механизмов сильнейшим образом двинул вперед такие предпосылки духовного формирования личности, как организация труда, образование и просвещение. Огромному кругу читателей стали доступны труды лучших мыслителей мира... Как видим, и здесь технический прогресс идет рука об руку с эволюцией духовности.

Новое время, как известно, положило начало промышленной революции и принципиально новому типу социальных отношений.

В это время появляется класс вещей (со временем их номенклатура неуклонно расширяется), которому мы присваиваем наименование уже не просто «устройств» или «механизмов» – это МАШИНЫ.

Машина есть устройство, преобразующее исходную энергию в некий ряд сложных действий, подчиненных управлению со стороны человека. Непременная основа машины – источник энергии, способный привести ее в движение. Конструкция машины сводится так или иначе к преобразованию этой энергии в необходимое действие, причем любое из этих действий преследует одну лишь цель: удовлетворить ту или иную человеческую потребность. Бурно разрастается количество и разнообразие машин. Отныне человек озабочен, главным образом, не изготовлением вещей, а поисками источников энергии, дабы привести в

⁴ Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 210 с.

движение машины, способные обеспечить любые его потребности, в том числе производство новых вещей.

Паровая машина, электрическая машина, двигатель внутреннего сгорания, атомный реактор... Всевозможные конструкции, одна хитроумнее другой, встроенные в механизм машины, обеспечивают превращение всех этих энергий в огромное множество вещей, сопровождающих каждый шаг человека. Огромное большинство этих вещей, якобы необходимых человеку, обеспечивают его комфорт, всевозможные удовольствия и развлечения. Столетия назад человек мог легко без них обходиться, но эти новые вещи, порождающие *соблазн комфорта*, обеспечивают прибыль; их количество и разнообразие неуклонно увеличиваются...

Как теперь быть с духовностью? Точно ли она возрастает с ускорением технического прогресса? На первый взгляд, мы должны ожидать положительного ответа на этот вопрос: ведь умножаются и становятся доступными прекрасные произведения искусства, гениальные книги могут появиться в какой угодно библиотеке (затем – и на интернетных сайтах), расширяется информация о мире и его бесчисленных духовных сокровищах, каждый шаг по улицам таких городов, как Венеция, Прага, Толедо, Париж, – шаг навстречу красоте...

Но теперь давайте вспомним о том, что вещи, производимые машинами, имеют стоимость, выражающуюся в некой сумме денег, иначе не было бы смысла производить сами машины, которые также являются товаром и также обладают стоимостью. Эти вещи, конечно, предназначены для продажи. Они должны иметь спрос. Следует специально подчеркнуть, что машинное производство есть всегда не что иное,

как производство **стандартной** продукции. Стало быть, для коммерческой выгоды необходимо обеспечить условия, когда большая масса людей будет нуждаться в *одинаковых* вещах. Каким образом это можно сделать? Способ один: формировать сознание этой массы таким образом, чтобы желание большинства людей купить ту или иную вещь отвечало намерению производителя.

Мы знаем, что примерно к середине прошлого столетия эта задача была успешно решена: возникло «общество потребления», управляемое пропагандой и рекламой.

Логическая цепочка: интересы коммерции – машинное производство – реклама – коммерческий эффект (прибыль). Где в этой цепочке место духовности? Оно никак не просматривается... Ценность духовную заменила ценность денежная. Пропаганда и реклама стали формировать сознание человека в интересах выгоды производителей. Теперь уже не просто материальный мир (источник вещей), но и *homo sapiens* становится объектом манипулирования: он сам превращается в вещь.

«Общество потребления» именно таково, и другим оно быть не может. Требование *стандартного* вкуса, *стандартных* интересов, *стандартных* потребностей, отвечающее интересам машинного производства, вынуждает к созданию человека со *стандартным* типом мышления, отсюда появление такого монстра современной духовной жизни, как массовая культура!

Что же, в конце концов, произошло?

Факты свидетельствуют, что, начиная с промышленной революции, зависимость между эволюцией духовности и прогрессом технологий поменяла знак: машина оказалась враждебной духу.

Но это еще не все; анализ был бы неполным, если бы мы не коснулись современного этапа социальной жизни: так называемого «информационного общества» и связанной с ним эпохи постмодерна⁵. Угрозы этого этапа сводятся, в общем, к одной и той же грозной опасности: *возможности манипулирования сознанием*.

О пропаганде и рекламе, распространяемой с помощью СМИ, мы уже говорили. Но это не самое худшее.

В современном мире подавляющее значение приобретают электронные средства информации и общения, среди которых определяющую роль играет Интернет. Множество людей, вечерами и ночами сидя возле компьютера, пытаются заменить живое общение виртуальными средствами, уводя свое сознание далеко за пределы действительного мира... Воображаемая жизнь становится предпочтительнее реальной! Здесь мы уже не видим ни «земного», ни «небесного»: это мир мнимостей, мир «симулякров». Сознание пользователя проваливается в щель между мирами – туда, где само понятие ценности теряет смысл.

Технический прогресс пошел, однако, еще дальше.

В начале XXI века он уже позволяет внедрять в живую ткань микрочипы, с помощью которых можно дистанционно контролировать поведение любого человека! Или вот еще: снабдить (в обязательном порядке) население пластиковыми карточками, играющими роль денег, но некий Единый Центр вполне может заблокировать такую карточку в качестве репрессивной меры... Человеческий индивидуум, таким образом, становится полностью под-

⁵ Дзюнова В.М. Постмодернизм как феномен культуры // Введение в культурологию. Курс лекций / под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 125–130.

контрольным, лишенным малейшей возможности проявления свободной воли.

Здесь-то и открываются воистину безграничные возможности для действий тайных лидеров «золотого миллиарда», Мирового Правительства, «иллюминатов», «черных масонов», или как вы их там еще назовете, – всех вообще заспанных манипуляторов, чей указующий перст медленно, но верно выводит человечество, облагодетельствованное машинным прогрессом, к трону Антихриста.

Надо ли еще объяснять, в какой связи с духовностью находится сегодня *прогресс технологий*? От «общества потребления» существует прямой и весьма надежный путь к управляемому стаду.

Сегодня соседство машин не говорит о могуществе человека, отнюдь. Оно говорит, напротив, о его рабстве. Попробуйте представить себе, что будет с населением любого современного города, если там вдруг исчезнет электричество, перестанет действовать водопровод, канализация и все средства оповещения вплоть до радиоточек. Из такого города человек должен бежать в леса, поля или горы... Но кто же из людей, окруживших себя комфортными вещами, сохранил древние навыки жизни на девственной земле? Население такого города попросту обречено на гибель.

Каков же выход из этой тушиковой ситуации, и возможен ли он в принципе? Вот вопрос, на который ответить воистину непросто.

Существует слабая надежда на людей, занятых духовной практикой. Они не окружают себя тучей вещей, тем более тех, что рекомендует реклама. Они сторонятся машин. Богатства и радости их *внутреннего бытия* не может заменить никакой комфорт...

Кто знает, может быть, именно эти люди создадут в будущем новую цивилизацию, где технический прогресс служил бы не умножению комфорта, а сбережению природы и освобождению от власти вещей? Такие люди появляются сейчас. Дети с необычными задатками. О них говорят как о «звездных детях»⁶. Не их ли силами будет когда-нибудь создано непредставимое для нас сегодня новое общество? Любой из нас может по доброй воле, независимо от своих сенситивных способностей, влиться в эту когорту...

Остановить технический прогресс нельзя. Это аксиома. Однако повернуть его – на новом этапе – к трансляции мысли, нравственности и красоты, вырвать из лап коммерции и приблизить к духовным нуждам человека, разве это не достойная задача для будущих поколений?

Пусть это пока еще слабый вариант оптимизма. Но человек имеет право пытаться находить опору даже в далекой на-

дежде! Главное – осознать опасность и найти в себе мужество противостоять ей.

Литература

Белимов Г.С. Дети индиго. Кто управляет планетой? / Г.С. Белимов. – М.: Рипол-Классик, 2007. – 384 с.

Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв. / А.А. Бокщанин. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 210 с.

Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.

Дианова В.М. Постмодернизм как феномен культуры / В.М. Дианова // Введение в культурологию. Курс лекций / под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 125–130.

Сергеенко М.Е. Ремесленники Древнего Рима: Очерки / М.Е. Сергеенко. – Л.: Наука, 1968. – 165 с.

Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.

⁶ Белимов Г.С. Дети индиго. Кто управляет планетой? – М.: Рипол-Классик, 2007. – 384 с.